

УРОКИ МАНЕЖНОЙ

Обсуждение декабрьских выступлений молодёжи

КСЕНИЯ МЯЛО

БОЛЬШЕ ЧЕМ ОШИБКА

События 11 декабря в Москве (а если не забывать о состоявшихся в тот же день митингах и шествиях в Петербурге и Ростове, то и в России) принадлежат, несомненно, к разряду тех, которым суждено обрести долгий резонанс и последствиям которых ещё только предстоит развернуться в полной мере. Однако сама их масштабность, яркость и объёмность обозначенных ими проблем, как это всегда и бывает в случае акций протеста подобного размаха и накала, уже позволили иным из таких последствий проявиться с такой же стремительностью, с какой стартовали они сами. И с какой были названы “погромами”, притом – с самых вершин власти. А вот это можно считать одним не только из первых, но и важнейших из последствий. Потому что когда речь идёт о массовых акциях протеста, в общественном сознании резче всего – резче даже, нежели та форма, в которой они подаются СМИ, – запечатлевается реакция на них властей предержавших. То есть тех, кому, собственно, и адресуется протест, к кому предъявляются некие требования и от кого ждут реакции на поданный сигнал неблагополучия, если не бедствия. Ждут хотя бы короткого стука морзянки: “Вас понял...”

Опасно, если ответом окажется молчание; во стократ опаснее, если вышедшие на улицы тысячи людей, особенно молодых людей (притом, в основной своей массе, безоружных), в ответ услышат лишь обещание примерно наказать их, если они ещё раз осмелятся прийти “гадить”. И тысячекратно опасней, если мерзкое это словечко окажется обращено к тем, кто, апеллируя к закону, пришёл требовать правосудия, и если оно прозвучит из уст главы государства, согласно Конституции являющегося гарантом соблюдения закона. Опасность эта настолько очевидна, что никогда ещё за всю историю столь богатого молодёжными (притом гораздо более радикальными – чего стоит один только парижский май-68!) бунтами последнего полувека никогда и нигде ни один из политических лидеров не позволил себе ничего подобного. Но именно это и произошло в России, готовящейся переступить порог второй декады XXI века, что не могло не вызвать оторопь и что очевидным образом подводит черту под эпохой грёз о “вхождении в цивилизованное сообщество”.

Ведь представлялось бесспорным, что первыми из уст Президента, по всем законам божеским и человеческим, должны были бы прозвучать не угрозы и грязные оскорбления, а слова соболезнования родным и близким Егора Свиридова; обещания же неотвратимой кары всё-таки должны были адресоваться в первую очередь не тем, кто – не беспричинно! – вышел на площадь,

а убийцам, да и не одного ведь Егора, а и других двух парней, убитых практически в те же дни. О них, однако, не вспомнила ни пресса, сосредоточившаяся, за немногими исключениями, на теме провокаций и привычных обличениях “русского фашизма”, ни множество политологов с конспирологическим уклоном, поглощённых жгучей темой выборов 2012 г. и подковёрных игр вокруг них. И даже Патриарх, от которого, как от религиозного лидера православной России, ожидалось всё-таки нечто большее, отдал дань подобным розыскам, всё остальное назвав “элементарным хулиганством”.

Однако — и это представляется мне самым важным с точки зрения возможных грядущих последствий — о них не вспомнил и Президент, всё своё негодование в первые же дни сосредоточивший исключительно на участниках “Манежа”. И негодование отнюдь не абстрактное. Оно тотчас же обрело форму конкретных рекомендаций силовым структурам, и уже 12 декабря, на встрече с министром внутренних дел РФ Рашидом Нургалиевым, Д. Медведев, с металлом в голосе, заявил “*urbi et orbi*”, что впредь при возникновении подобных ситуаций милиция должна быть готова применить все имеющиеся в её распоряжении средства. Так и было сказано — все. Но ведь известно, что в это “все” входит и огнестрельное оружие, и не случайно начальник ГУВД Москвы Владимир Колокольцев ещё вечером в субботу 11 декабря — видимо, для того, чтобы успокоить встревоженную общественность и предотвратить распространение ложных слухов — сообщил, что табельное оружие на площади не применялось. Так что же, Президент недоволен сдержанностью московской милиции, и нам следует заключить из его слов, что теперь им выдана санкция даже и на это?

Вопрос повис в воздухе, а выступая 13 января по телеканалу “Россия”, Медведев продолжил развитие темы в том же ключе: “Недавние события в Москве, погромы, нападения на людей должны быть квалифицированы как преступления, а лица, их совершившие, должны понести наказание... Бардака на улицах и в общественных местах быть не должно”. Так что если у кого-то ещё теплилась надежда, что, говоря о недопустимости нападения на людей, он имел в виду всех, совершающих таковые, то словечко “бардак”, несомненно, должно было развеять иллюзии: нет, речь по-прежнему шла о площади, на которой Президент так и не заметил главного — апелляция к закону и Конституции. А поскольку к моменту произнесения этой речи ещё не начинался не только судебный процесс, но даже и следствие, то и тому и другому недвусмысленно и в нарушение юридической процедуры прямо вменялось называть едва ли не всех участников акции преступниками. Иначе — зачем бы вообще понадобился этот странный и вызывающий демарш, если не для того, чтобы заранее заклеить (а на юридическом языке — квалифицировать) любую возможную попытку массового протеста как *погром*? Зачем вообще понадобилось это насыщенное самыми зловещими обертонами слово, и так уже, по горячим следам горячих событий, запущенное в оборот безответственными журналистами? Жаждущими если уж не крови, то, по крайней мере, статей похёстче и сроков подольше для собравшихся на Манежной площади юнцов.

Так, Сергей Юрьев на страницах “Московской правды” (15 декабря 2010 года) сетует: “На сегодняшний день столичное ГУВД не завело ни одного дела в отношении организаторов погрома по статье 212 УК РФ — организация массовых беспорядков. В кодексе она стоит рядом со статьёй о хулиганстве, зато как различается общественная опасность этих деяний. По 212 статье человека можно “запереть” на 10 лет, если он организатор, а если всего лишь участник — до 8 лет”. А вот максимальное наказание по статье “хулиганство” гораздо меньше, и как же тут не печалиться гуманному противнику погромов, тем более что бездействует — хотя выступления Президента позволяют надеяться, что всего лишь пока! — и самое желанное: уже успевшая стать знаменитой 280-я статья УК. Но что 280-я, то есть ответственность за экстремизм! Кое-кто пошёл и дальше, и не успели работники московского коммунального хозяйства собрать бутылки, петарды и сорванные с ёлки игрушки, которые протестанты использовали в качестве метательных орудий против омонцовцев, как солидная и претендующая на репутацию объективной “Независимая газета” уже 13 декабря вынесла на первую полосу статью Александры Самариной под характерным и задающим тон всему последующему повествованию “выкриком”: “Националистическая акция в столице поставила под угрозу безопасность граждан и целостность страны”.

Тянет, безусловно, на государственное преступление, но никаких сколько-нибудь веских и убедительных доказательств в подтверждение столь грозного обвинения не приводится, да их и быть не могло. Ведь уже вечером той самой субботы было известно, что, согласно информации, полученной ИТАР-ТАСС в правоохранительных органах, в результате беспорядков на Манежной площади пострадало примерно 10 человек, и, главное, не было убитых. Самарина, правда, упоминает об “одном убитом”, но поскольку, по прошествии вот уже 10 дней, подобная информация не получила никакого официального подтверждения, то можно предположить, что “Независимая” просто-напросто дезинформировала читателей. Однако не только не последовало никаких опровержений, но 15 декабря на тех же самых страницах можно было прочесть о “беспорядках в центре Москвы, повлекших человеческие жертвы” – теперь, как видим, уже во множественном числе и без какой-либо ссылки на источники информации, а это позволяет говорить о преднамеренном искажении реальной картины событий.

Причины понятны: ведь если не было убитых, то сомнительной становится и сама правомерность употребления слова “погром”. Потому что настоящий погром – а не беспорядок на кухне и даже не драка нескольких десятков человек, – всегда сопровождается немалыми человеческими жертвами и жестокостями, заставляющими кровь стынуть в жилах. Это то, что не столь уж давно происходило в Сумгаите, Баку, в Ферганской долине в 1989 году, а также при террористическом сгоне русских из Чечни в 90-е годы (притом стоит напомнить то, о чём предпочитают не вспоминать, – ещё до начала военных действий); и все потрясать этим словом, требовать для тех, кто всё-таки не совершал убийства, самых суровых наказаний, словно бы они и впрямь были безжалостными погромщиками, не только предельно цинично. Это глубоко разрушительно для общественного сознания в целом, потому что окончательно лишает его тех внятных и нравственных, и правовых критериев, без которых не может осуществляться правосудие, да, собственно, не может существовать и само общество.

При этом я вовсе не хочу сказать, что участники митинга и шествий были ангелами и вообще не совершали никаких противоправных действий – утверждать подобное значило бы тоже грешить против истины. Избиения людей на площади и в метро неприемлемы, и они заслуживают наказания, тем более же заслуживают его те, кто подстрекал к ним, о чём и заявил ещё вечером 11 декабря В. Колокольцев: “Зафиксированы лица, пытавшиеся сделать что-то провокационное, будем разбираться”. Так для чего же потребовалось, не гнушаясь откровенной ложью, и дальше нагнетать ситуацию? Для чего требовать самых суровых наказаний и даже применения против возможных будущих бунтарей всех имеющихся в распоряжении милиции (впрочем, наверное, уже полиции) спецсредств и говорить об угрозе государственной безопасности, когда даже материальный ущерб, нанесённый городу акциями 11 сентября, не идёт ни в какое сравнение с тем, что происходило в европейских столицах на протяжении одного только последнего года.

Повсюду – в Лондоне, Париже, Афинах, Риме – мы могли видеть горящие автомобили (а в Лондоне сожжены были даже автобусные остановки) и разбитые витрины, жестокие схватки с полицией; в Греции не обошлось, к несчастью, и без человеческих жертв – и всё-таки повсюду правительства стараются избегать угроз и чрезмерного применения силы. Да, в Англии после бурных событий начала декабря полиции было разрешено применять спецсредства, до того использовавшиеся только в Северной Ирландии, но ведь и ущерб, нанесённый городу, по самым скромным подсчётам составил сотни тысяч долларов. В России же Президент дал санкцию на применение самых жёстких мер, так сказать, превентивно, хотя именно тогда, когда он произнесил свою грозную речь, в Риме весь центр города был затянут дымом, и отнюдь не от петард и шашек, а разгневанная толпа прорывалась к парламенту – и тем не менее власти воздержались от угроз, тем более оскорблений. Повсюду присутствует понимание того, что нет ничего опаснее для общества и государства, нежели отказ разглядеть проблемы, накал которых и толкает людей к действиям, балансирующим на грани фола. А поскольку проблем и в мире, и в Европе, для которой и по оценкам исследователей, и по самооощущению граждан недавняя эпоха всеобщего благосостояния уходит в прошлое, хватает с избытком, то властям приходится делать выбор – “держат удар” либо срывать в чистую полицейщину.

Но ведь таких проблем хватает и в России, и по самой своей сути они, несмотря на всю отечественную их специфику, мало чем отличаются от европейских аналогов. То же, но только во много раз большее падение жизненного уровня, то же, но опять-таки во много раз более сильное, обострение проблем образования, здравоохранения, теперь уже и занятости, наконец – всё возрастающая напряжённость, вызываемая массовой иммиграцией и связанным с ней разрушением привычной среды обитания. Естественно, это ведёт к усилению защитных реакций и росту настроений, которые принято именовать националистическими. Однако в новой ситуации растёт и понимание того, что таким определением, недавно ещё имевшим значение жупела, теперь опасно злоупотреблять. Потому что рост этих настроений – индикатор реально существующих в обществе проблем, а значит, избежать их дальнейшего обострения невозможно, отказываясь от открытого их обсуждения и поиска решений – совместно с “националистами”, которые в Европе (например, в Швейцарии, Нидерландах и Швеции) уже проходят в парламент. Ну, а если российская власть считает нарушением общественного порядка даже выход группы молодых людей под государственным флагом и с плакатом “Мы не фашисты” (Останкино, 19 декабря 2010 г.), то тем самым она даёт понять: фашизмом в её глазах является любое упоминание о проблемах и бедах русского народа, само существование которого вот уже на протяжении 20 лет (а если вести счёт от начала перестройки, стартовавшей под знаком самой откровенной русофобии, то и больше) она старается не замечать и само имя которого стремится не упоминать, заменяя его некими абстрактными “россиянами”. Или, на худой конец, “славянскими национальностями”, как это сделал премьер в ходе своего декабрьского общения с гражданами.

Примечательно, что такое замечание он произвёл, отвечая на очень конкретный вопрос: чего следует теперь, после московских событий, ожидать русским, живущим на Северном Кавказе. За вопросом этим стоит тоже очень конкретный (и очень горький) опыт: ведь русские покидают Кавказ, это уже настоящий и нередко драматичный исход, и идёт он с нарастанием на протяжении всех последних 20 лет. И если ограничиться одним лишь Северным Кавказом, не касаясь юридически обособившегося Закавказья, то практически полностью они покинули уже не только Чечню, но и Ингушетию, покидают Дагестан, Карачаево-Черкесию, но руководство страны словно и не замечает этого. Да и после 11 декабря из всех наиболее известных политиков и политологов прямо о таком исходе сказал лишь Жириновский; подавляющее же большинство остальных ответило на ситуацию либо дежурными ссылками на “социальную катастрофу” (М. Делягин), будто бы переживаемую Кавказом, как главную причину всех бед, либо разразилось гневными филиппиками в адрес “русских националистов”, упорствующих в своём нежелании признать, что “Кавказ – это тоже Россия”, и тем самым будто бы толкающих остаток империи к развалу (именно в таком духе высказался на страницах “Независимой газеты” Д. Фурман). Но если Кавказ – это тоже Россия, с чем я ни в коей мере не собираюсь спорить, то почему же русские не могут жить на Кавказе, но должны едва ли не уступать гостям свой ещё остающийся у них дом?

К сожалению, обошёл молчанием этот острейший вопрос и глава Совета муфтиев России шейх Равиль Гайнутдин, в своём официальном отклике на события 11 декабря посетовавший лишь на “недопустимо высокий уровень антикавказских, антиисламских и антииммигрантских настроений в российском обществе” (“Независимая газета”, 15 декабря 2010 г.).

Но без ответа на него дальнейший диалог на тему межнациональных отношений и с диаспорами, и с властями теряет смысл, и это тоже один из самых печальных итогов событий 11–19 декабря 2010 г.

Ну, а что касается первого, то бишь социальной катастрофы, то её переживает вся страна, и в своё время хорошо знающие Кавказ Милрад Фатуллаев и Владимир Мухин справедливо заметили, что подобное, ставшее расхожим объяснение не столько объясняет, сколько окончательно затуманивает проблему. И что ужасающее положение в русской глубинке, не говоря уже о сельской местности, вообще не позволяет ставить вопрос подобным образом. Добавлю к этому, что прибывшие на джипах люди, по требованию которых и были противозаконно освобождены участники драки, закончившейся убийством Егора Свиридова, отнюдь не являлись отверженными бедняками а-ля Диккенс и Гюго и что внутренняя социально-экономическая структура диаспор

много сложнее, нежели рисуется она в многочисленных душещипательных зарисовках из жизни гастарбайтеров. Зарисовках, авторы которых отнюдь не стремятся с таким же надрывом поведать нам о жизни весьма обездоленной молодёжи в русской глубинке, да и в спальных районах столицы тоже.

Но ведь именно она, эта молодёжь, уже на первых подступах к взрослой жизни принимает на себя главный удар той новой ситуации, которую своими провалами и в социальной, и в национальной, да и в культурной политике тоже создала сама власть; стало быть, прежде всего власть и должна нести всю полноту ответственности за неё. Она же попыталась, причём в грубой и отталкивающей форме, переложить эту ответственность на молодых людей, школьников, даже не выслушав их. А вот это уже не просто ошибка, это шаг, которого не должна совершать никакая власть, если она и впрямь заботится о подлинной, а не только формальной своей легитимности; шаг, за который рано или поздно приходится платить – притом по самому крупному счёту.

ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ,

доктор юридических наук

ГРАДУС ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ

11 декабря 2010 года, на мой взгляд, стало новым явлением российской социальной жизни. Выход на Манежную площадь нескольких тысяч молодых людей – это не всплеск русского национализма или, тем более, русского фашизма (о котором сразу завизжали наши радикал-либералы). Всегда надо знать первопричину. Или повод. Он заключался в том, что банда “лиц кавказской национальности” напала на болельщика “Спартака” Егора Свиридова. Его жестоко избили, ограбили. А потом главарь банды, уже ранее судимый за кражу, четыре раза выстрелил в Егора из травматического пистолета (в Европе такое оружие – только на вооружении спецслужб. У нас продаётся в любой оружейной лавке по любому поддельному разрешению), с контрольным выстрелом в голову. Надо отдать должное московской милиции: все бандиты были задержаны в течение 15 минут... И доставлены в следственный отдел прокуратуры. Ведь убийство – это подследственность не милицейская. И вот здесь начались “чудеса”. Сначала прокурорский следователь всех дотошно опросил. Но потом к зданию прокуратуры стали съезжаться джипы “этнических диаспор”. Начались “переговоры” со следователем и его руководством. Вскоре вся банда, кроме убийцы, была отпущена... под их же весёлый гогот. А вдове Егора следователь посоветовал забрать тело погибшего и поскорее его похоронить. Поскольку стоит очередь на экспертизу.

Фактически в Москве повторился “кущёвский синдром”, когда в этой кубанской станице в течение 15 лет бандиты безнаказанно убивали людей при полном попустительстве прокуратуры, милиции и судей. Если бы Егор не принадлежал к корпорации болельщиков, то всё бы и закончилось, как в станице Кущёвской. Но друзья Свиридова с помощью SMSок и звонков с мобильных в течение 40 минут собрали около здания прокуратуры более тысячи членов своей корпорации. Прокуроры вызвали ОМОН с целью разогнать “толпу экстремистов”. ОМОН приехал, но разгонять не стал. Там тоже сразу поняли, что дело не в болельщиках, а в “непонятных” действиях следователя прокуратуры. ОМОН просто обратился к людям с просьбой не допускать провокации. Никакой силы не применялось. И провокаций не было. Хотя количество прибывающих людей постоянно возрастало.

А дальше было 11 декабря на Манежной. Там уже “структурированных” болельщиков было меньшинство. В основном спонтанно приехавшая молодёжь с окраин Москвы и из Подмосковья. Увы, были нападения и избиения кавказ-

цев, представителей Средней Азии. Были лозунги с националистической окраской. Но, главное, по-прежнему требования, чтобы по отношению к этническим ОПГ ДЕЙСТВОВАЛ ЗАКОН.

Можно ли последующую зачистку площади назвать беспорядками? С большой натяжкой. Были хулиганские проявления, были столкновения с милицией. Но это все мало похоже на беспорядки. Даже в сравнении с недавними событиями в Лондоне, Риме, Париже, Афинах, Белграде и т. д.

Что началось после событий? Призывы наших либералов бить палкой по голове “русских фашистов”. 15–17 декабря были повторные попытки устроить групповые нарушения общественного порядка. Уже со стороны “гостей” Москвы. В превентивных целях задержано было за эти дни около 3 тысяч человек. И “гостей”, и москвичей. Оказалось, что задержанные “русские фашисты” – это в основном школьники 14–15-летнего возраста. А при организации пикета у Останкинского телецентра 17 декабря в руках у “русских фашистов” вообще были плакаты – **“Мы не фашисты, СМИ – прекратите врать!”**.

Откуда же националистические лозунги 11 декабря на Манежной площади и у Киевского вокзала 15 декабря? О том, что российская национальная политика провалена, знают не только умудрённые социологи, но и, как оказалось, любой школьник. Все социологические опросы показывают постоянное повышение уровня напряжённости в межнациональных отношениях. За две чеченские войны сотни тысяч русских выдвинуты с Северного Кавказа. Сейчас фактически идёт третья необъявленная северокавказская война. Каждый день там кого-нибудь взрывают, расстреливают, режут. А это, между прочим, территория России. У нас единая территория. Только живем мы по-разному. В одних регионах идёт непрерывная контртеррористическая операция, в других строят города будущего – Сколково. В третьих готовятся к великим праздникам – зимней Олимпиаде–2014 и чемпионату мира по футболу 2018 года. Кремль кидает миллиардные средства на тушение пожаров на Северном Кавказе. Эти средства перемалываются в борьбе местных мафиозных кланов. На перемолотые деньги лидеры этих кланов покупают квартиры в Москве. На купленные ЕГЭ устраивают своих отпрысков в престижные московские вузы. Но ведь мы имеем дело не только с валом “новых москвичей” с Северного Кавказа. А Большая Кавказ? А Средняя Азия? А Украина и Молдавия? Миллионы “законных” и “незаконных” мигрантов в столичной агломерации. В условиях кризиса. Это – не американский этнический “плавильный котел”. В Москве уже ничего не переплавляется. Постоянно накапливается реакция на взрыв. Зажжёнными фитилями являются преступления всякого рода этнических ОПГ, часто безнаказанно действующих благодаря коррупции в правоохранительных органах.

Возьмём статистику ГУВД Москвы. За 2009 год в столице возбуждено 12 уголовных дел по бандитизму. 9 из них – в отношении кавказских банд. Объясняю, почему взял в пример бандитизм. В советское время на весь СССР в год было одно-два дела.

Или изнасилования. Это – самый латентный вид преступлений. Так вот, три четверти всех изнасилований в столице совершили в 2010 году “иностранцы” из Средней Азии, Кавказа и наши граждане с Северного Кавказа.

При этом либералы предлагают воспитывать наших детей в духе толерантности. Мы можем быть толерантными ко всем нациям и народностям, но мы не можем быть толерантными к этническим бандам, насилующим наших детей!

Но вопросы не только к либералам. Как можно на высшем политическом уровне заявлять о необходимости жёстко подавлять любые несанкционированные проявления молодёжи без дифференциации этих действий? И при этом ничего не говорить о необходимости жёсткого подавления преступной деятельности этнических ОПГ в столице? Это очень похоже на политику США в бывшей Югославии: “фашисты-сербы”, убивающие косовских албанцев, и хорошие косовские албанцы, разделяющие на органы пленных сербов.

Многие политики удивляются, почему не рвануло в межнациональных отношениях во время двух чеченских войн, во время взрывов в метро в конце марта 2010 года? А рвануло сейчас после убийства Егора Свиридова?

Думаю, наш народ очень тонко чувствует разницу. Когда действуют реальные террористы – это опасность для всех. Это что-то напоминает марсиан, напавших на Землю. Но когда у тебя в доме нагло убивают и насилуют, а им ещё потакает в этом часть правоохранительной системы, то здесь уже распад ТВОЕГО ДОМА!

Называя обиженных граждан своей страны “фашистами” и не ликвидируя этнические ОПГ (в том числе и “воров в законе”, из которых более половины — “грузинские воры”), власть всё более теряет доверие населения. Всё более накаляет градус протестного настроения. Я имею в виду не протесты в духе “оранжевых революций”. А протесты как массовые “русские бунты”, которые уже проявляются в единичных нападениях на иностранцев, действительно “бесмысленных” и “беспощадных”.

ЮРИЙ ГОЛИК,

доктор юридических наук

“ПРЕСТУПНИК НЕ ИМЕЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ”?

В последние годы нам часто повторяют: “Преступник не имеет национальности”. Тезис подхватили, растиражировали, он стал чуть ли не аксиомой. Однако ничего, кроме вреда, он не несёт.

Вернёмся немного назад, в приснопамятные годы начала “перестройки”, закончившейся, как известно, полной “расстройкой” всего нашего государства, и вспомним, что в те времена одной из самых популярных тем для дискуссий среди либеральствующей интеллигенции была тема отмены так называемой “пятой графы” в паспорте, где указывалась национальность его владельца. Говорили, что нигде в мире этого нет, что это позорит и унижает человека (не объясняя, как это национальность может унижить и обидеть человека?), утверждалось, что указание национальности — это интимное дело каждого (хотя интимно лишь то, что неприлично демонстрировать открыто, а как спрячешь, к примеру, цвет своей кожи?) и т. д.

И вот — в новой России такой графы нет, нет и графы о вероисповедании, как это было в царские времена. Теперь уже утверждается, что упоминать национальность преступника нельзя. Говорить о национальности певца, артиста, космонавта можно, а о преступнике нет. Он этакий космополит. Графу “национальность” стали вымарывать из судебно-следственных документов. Хотя национальность и вероисповедание свидетельствуют об особых типологических свойствах личности, что необходимо принимать во внимание специалисту-следователю. Зная эти характеристики, уже можно строить версии о мотивах и причинах преступления, возможных сообщниках, их местонахождении и т. д. Это поможет раскрытию преступления и наказанию виновного. Но нынешний УПК не содержит требования установления истины по делу, видимо, как ненужной государству (а обществу?) и не требует выявления причин и условий совершённого преступления (раньше всё это было и считалось аксиомой уголовного процесса). Уголовное дело становится в этом отношении неинформативным.

Достаточно много об учёте национальных особенностей преступника писал в XIX веке итальянский врач Чезаре Ломброзо, взгляды которого сегодня зачастую воспринимаются как наивные, но многие из них были скорректированы и получили в дальнейшем подтверждение. А в 1906 году известный в России доктор медицины Э. В. Эрикссон опубликовал в сборнике под редакцией академика В. М. Бехтерева (имя этого человека есть гарантия от шарлатанства, профанации и примитивизма) статью “Об убийствах и разбоях на Кавказе”, в которой подробнейшим образом описал, опираясь на изучение менталитета того или иного кавказского народа, почему, как и зачем представители различных народов идут на совершение названных преступлений. Общий вывод неутешителен: “Этнопсихика со всеми её внешними проявлениями меняется не так быстро, как издаваемые законы, требования и правила, и многие преступления являются в известной степени неизбежным следстви-

ем психоантропологической организации людей, передаваемой по наследству из поколения в поколение, из века в век”. Звучит достаточно актуально и сегодня.

Э. В. Эриксон также считал, что политическое и экономическое положение кавказских народов не оказывает заметного влияния на снижение среди них уровня преступности, и связывал это именно с особенностями их национального характера, допустимостью и даже моральным одобрением тех форм поведения, которые в европейском обществе рассматриваются в качестве откровенно преступных (похищение людей, разбойные нападения, угон скота, ограбление жилища). Это подтверждается современными исследованиями (например, недавно в Краснодаре была защищена диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук Игорем Анжировым “Влияние этнических факторов на рост преступности в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах”). А известный российский журналист Михаил Полторанин описал свои юношеские воспоминания, как чеченцы, выселенные в Казахстан в 1944 году, через несколько лет после окончания войны пошли грабить и убивать тех людей, которые их приютили и обогрели. Когда чаша терпения людей переполнилась, они получили страшный и жестокий отпор со стороны “вербованных” (моё поколение хорошо помнит эту категорию наших сограждан), которым нечего было терять, и они никого не боялись – ни власти, ни окружающих.

Всё это легко ложится на нынешнюю национальную ситуацию. Не нужно думать, что национальный фактор кого-то обижает или оскорбляет. Никого ведь не обижает чёрный или рыжий цвет волос, голубые или карие глаза и т. п. Другое дело, что кому-то они нравятся, а кому-то нет. Но, как известно, на вкус и цвет товарищей нет. Но дело не во вкусах, а в учёте национальных особенностей правонарушителей. На что всегда обращали внимание правоохранительные органы. В конце 90-х годов в составе ОБОПов (отделы борьбы с организованной преступностью) были созданы подразделения по борьбе с этнической организованной преступностью. И вот – два года назад эти отделы были ликвидированы, а все наработки сданы в утиль. Организованная преступность активизировалась, в том числе этнические преступные группировки. Даже Русская православная церковь в лице Всеволода Чаплина заговорила “о вызывающем поведении этнических преступных группировок”. Удивляться здесь нечему: контроль за их деятельностью исчез, и они пошли гулять “в полный рост”. А ведь ещё в 2006 году на “прямой линии” Владимир Путин отмечал: “Этнические преступные сообщества существуют, существовали и в Советском Союзе, и в России существуют, и борьба с ними ведётся давно”. А сейчас её, что же, свернули?

Сколько же преступлений совершается этническими преступными группировками? Точные данные отсутствуют, но вот на пресс-конференции 22 декабря 2010 года Владимир Колокольцев, нынешний глава московской милиции, отметил, что 70% преступлений в Москве совершается членами этнических преступных группировок, число изнасилований за последние годы выросло на 79% – и ответственны за это гастарбайтеры. Хотя Москва – город уникальный, но картину по всей стране можно соотнести с московскими показателями, и это всё подлежит обязательному учёту.

Официальная статистика, собранная и обобщённая Виктором Луневым за 17 лет – с 1993 по 2009 год, показывает, что преступность иностранцев увеличилась более чем в три раза (до 334,9%), а преступность российских граждан против иностранцев увеличилась лишь на 37%. При этом граждане бывших советских республик, приехавшие в Россию, составили 88,8% в структуре всех преступлений иностранцев. Ни национализмом, ни шовинизмом именно русского народа, в чём пытаются иногда его обвинять, здесь и не пахнет. Всё с точностью до наоборот.

Учёт национального признака в деле борьбы с преступностью присутствует, наверное, во всех государственных правовых системах. К этому вынуждает, прежде всего, глобализация, которая сопровождается огромными миграционными потоками. Люди, попадая в незнакомую языковую, культурную и этническую среду, ведут себя по-разному. Почти вся Европа последние годы буквально стонет от всевозможных бунтов и беспорядков, причиной которых часто бывает национальный вопрос.

Впервые с этнической преступностью серьёзно столкнулись американцы

в период действия “сухого закона” и Великой депрессии. Тогда итальянские и еврейские преступные кланы поставили под контроль значительную часть криминального алкогольного бизнеса. Американская полиция с тех пор заметно преуспела в борьбе с этнической преступностью. Думается, она не смогла бы этого сделать, если бы не умела отличать национальную принадлежность преступников. Вот простой вопрос: с чего начинается работу американский полицейский? — С установления первичных данных о преступнике: пол, рост, возраст, раса (!) (белый, чёрный, жёлтый, а в южных штатах добавляется ещё и красный). И никому в голову не приходит ахать и охать по поводу расовой неприязни. — Так надо для быстрой поимки и изобличения виновных! Ничего личного, как говорят американцы.

Так имеет ли национальность преступник? Вопрос не правомерен только в одном случае — когда преступнику назначается наказание. Это требование закона. “Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности **независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств**” (ст. 4 УК РФ). Просто и ясно.

Но когда нужно изобличить преступника, вопрос о его национальности вполне правомерен, указание национальности может многое сказать о нем.

АНДРЕЙ ФЕФЕЛОВ

“МОЖЕШЬ ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ?”

Глухо громыхнуло на Манежной. Словно зимняя гроза прокатилась над Москвой. Что это было: массовый выплеск эмоций или контролируемый “выпуск пара”? Грозное предзнаменование далёкого будущего или само начало “новых и мятежных дней”?

Гражданское общество, отсутствием которого нас так долго попрекали, наконец-то сказало своё веское слово. Вышло на улицу в образе парней с факелами, орущих футбольных фанатов и сбросивших с себя зимние куртки разъярённых золотогривых девиц.

Ведь “гражданское общество” — это отнюдь не парад сексуальных меньшинств, не хоровод “правозащитников” и не гвалт телевизионных витий. . .

На Манежку вышло Его Величество Большинство — огромная серая масса русской молодёжи, хлынувшая в центр с московских окраин. Эти люди, не имеющие ни лидера, ни голоса, тем не менее, сказали своё веское слово. Слово это оказалось неблагозвучным и грубым — оно напоминало рык разъярённого зверя, но шло оно из недр народа. Того самого народа, к которому принадлежит подавляющее большинство населения России. Народа, который вынес на своих плечах колоссальный груз строительства российской державы, а теперь вынужден оправдываться за свою историю, бесконечно просить прощения у всех за то, что ещё не исчез с лица земли.

Убийство кавказцами Егора Свиридова, странный поступок прокуратуры, отпустившей на все четыре стороны подозреваемых представителей влиятельных дагестанских кланов — все эти события спровоцировали стихийный митинг. Десять тысяч бунтующих молодых людей не стали жечь машины и бить витрины. Несколько локальных стычек с ОМОНОм, несколько попавших под горячую руку “гостей с юга” — никто не убит, не разорван толпой ужасных “русских фашистов”. Даже новогодняя ёлка устояла, в отличие от лондонской сестрицы, которую свалили британские студенты, протестующие против повышения платы за образование.

То, что в Англии гражданское общество борется за бесплатное образование, а в России гражданское общество вынуждено сражаться с продажностью прокуратуры и засильем в столице агрессивных этнических группировок – не вина общества. Такова реальность, которую постоянно продуцирует современное российское государство.

Министр внутренних дел Нургалиев в своём заявлении назвал случившееся мятежом. Не погромом, не хулиганством и не массовыми беспорядками... Мятеж – групповое вооружённое выступление против власти.

Реакция власти показательна: “Все будут наказаны. Всех найти, выявить, судить, наказать, покарать...”

Это жалкая, бессмысленная реакция. Сложнейший узел межнациональных проблем, возникший в столице страны, власть пытается решить за счёт терпеливого большинства. Никаких заявлений по существу проблемы, никаких возможных решений, стабилизирующих обстановку. Одни только заклинания о злобных “разжигателях межнациональной розни”.

Почему власть реагирует так, а не иначе? Потому что у власти нет новых идей, нет Большого проекта, способного гармонизировать общество, заставить его развиваться, а не вязнуть в погромах и поножовщине.

Забавно: те, кто пытались футболом заменить национальную идею, оказались не готовыми к тому, что национальная идея станет стихийно замещать собой футбол.

Уничтожение советского проекта, многолетнее глумление над советской, имперской, “интегральной” идеей шли рука об руку с общественной деградацией и экономическим крахом.

Отсутствие высоких целей в жизни, упрощённое восприятие действительности, постоянная угроза нищеты – всё это характерно и для русской, и для кавказской молодёжи. Кавказцев подогревает ещё и опасный миф о якобы случившемся поражении России на Кавказе. Им кружат головы мечты о господстве, о якобы “завоеванном” праве доминировать в русских городах. Всё это вкупе с всеобщим одичанием масс и включением родоплеменных связей на Кавказе даёт прекрасную почву для начала городской войны “в одной отдельно взятой столице России”.

Митинг на Манежной площади и идею законного наказания убийц Егора Свиридова поддержали сотни тысяч москвичей! Кавказские молодёжные группировки в Москве открыто грозят достать ножички и дать отпор “русским фашистам”... Власть лепечет что-то о “provokatorax”, о “тайных силах” и “деструктивных элементах”, говорит при этом, что “свобода лучше, чем несвобода!”

После убийства Егора Свиридова котёл общества гудит и зловеще вибрирует.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

МИСТЕР-ТВИТТЕР: ВОЙНА С ДЕТЬМИ

“Русских они за людей не считают. Писать заявления в милицию бесполезно – или заявление не принимают, или не занимаются поиском... Закрывая глаза на то, что творят кавказцы, и подменяя понятия, чиновники могут спровоцировать резню в городе, которую никто не остановит”.

Что это? Тревожный сигнал о положении в Москве накануне выступлений на Манежной? Нет, это обращение жителей Кондопоги, перепечатанное в газете “Время новостей” в юбилейном номере (17.12.2010). От кондопожских событий до митинга на Манежной – четыре года.

Что сделано властью за этот немалый срок (в большинстве стран столько

выделяют президенту или правительству для коренного изменения ситуации)? Ни-че-го!

Систематическая работа с диаспорами не налажена. Сращение криминала, в том числе этнического, с местными администрациями и правоохранительной системой продолжается. Власть не сделала элементарного: не сумела провести быстрый и справедливый процесс над чеченскими убийцами жителей Кондопоги. Он растянулся на четыре года и временами превращался в фарс, а порою и в откровенное глумление над родственниками жертв, о чём прямо сказала мать одного из убитых Г. Слезова.

Уже тогда обстановка накалилась до предела. События, подобные кондопожским, имели место в Угличе, Красноармейске, Сальске, Суровикине, Пермском крае. Практически всюду они были следствием агрессивного поведения приезжих кавказцев по отношению к местным жителям и бездействия милиции.

Я не раз писал об этом в журнале, в том числе в течение всего минувшего года (“Наш современник”, № 2, 7, 8, 10, 11 за 2010 год). Положение стало поистине нестерпимым. Убийства коренных жителей следовали одно за другим (о. Даниил (Сысоев), Ю. Волков, М. Сычёв, М. Антончик, П. Казаков). Массовые побоища, зачинщиками которых, как правило, выступали кавказцы, прокатились по всей стране – оздоровительный лагерь “Дон” (Краснодарский край), Москва, Зеленокумск (Ставропольский край). Особую опасность представляли межнациональные столкновения в военных частях – в посёлке Каменка (Ленинградская область), в городе Алейск (Алтайский край), в Кантемировской бригаде (Московская область).

Не забудем и о терроре. Бытовое терроризирование местных жителей не отделено красной чертой от большого террора. Подрыв “Невского экспресса”, взрывы в московском метро, а также в Ставрополе и Пятигорске ещё более обострили ситуацию. Как прикажете местным жителям глядеть на южан, когда они узнают об очередном взрыве, совершённом приезжими?

Преступления либо не расследовались (убийство М. Антончика), либо задержанных бандитов отпускали (как в случае с убийством Ю. Волкова), либо ответственность пытались переложить на русских (подрыв “Невского экспресса”, теракт в Ставрополе).

Что ещё нужно было сделать, чтобы довести общество до взрыва? После Кондопоги В. Путин грозно произнёс: “Народ довели до ручки... Надо было умудриться пропустить народный гнев, хотя ситуация зрела” (“Коммерсантъ”, 07.11.2006). Тогда инвективы предназначались карельским начальникам и милиционерам. Сегодня Владимир Владимирович должен адресовать их самому себе и своему напарнику по тандему.

И тут убивают Егора Свиридова – не просто москвича (они в массе своей абсолютно беззащитны), а болельщика “Спартак”, члена влиятельной фанатской группировки. И следователь Головинской прокуратуры Максим Соколов освобождает пятерых из шести задержанных кавказцев.

Пусть кто-то наверху ответит мне: что оставалось делать фанатам? Их буквально вытолкнули на площадь.

Кто? Власти всех уровней – от районной прокурорской до высшей. Об этом говорили серьёзные аналитики. Лучше всех Константин Гаазе, человек, которого в принадлежности к националистам заподозрить трудно. “Наше общество, – пишет Гаазе, – слава Богу, пока ещё способно требовать справедливости... Но со справедливостью выходит заминка... Всё потому, что провайдер справедливости, государство, понимает её весьма специфическим образом. И выдаёт порционно, по требованию, каждый раз надеясь: а вдруг не придут и не попросят? И тогда можно будет продать её за деньги тому, кто готов за неё заплатить. Или продать за деньги несправедливости, которая стоит дороже”. Обозначив причины произошедшего, автор подводит итоги: “Так что случившееся... в субботу на Манежной площади... не происки все-мощных штабов нацистов или леваков. Это следствие дефицита справедливости... Пьяная молодёжь не при чём. При чём государство, которое не выдало условной социальной группе “футбольные болельщики” справедливость и законность. Всё остальное следствие, а не причина” (“Время новостей”, 13.12.2010).

Не случайно большинство москвичей, по утверждению корреспондентов “НГ”, “высказалось в поддержку митинговавших на Манежной площади” (“Не-

зависимая газета”, 17.12.2010). И не только москвичей – манифестации солидарности прошли в Питере, Волгограде, Самаре, Туле, Ижевске, Глазове, Краснодаре, подмосковных Серпухове, Чехове, Орехово-Зуеве, Раменском, Пушкине. В Ростове-на-Дону 2500 человек прошли по городу, требуя наказать ингуша, убившего студента местного вуза Максима Сычёва.

Власть вынуждена реагировать. И что она делает? Встречается с представителями болельщиков, возмущённых безнаказанностью убийц их товарищей? Призывает диаспоры к ответственному и законопослушному поведению? Ведь это первое, что требовалось сделать.

О том, как поступает в трудных ситуациях серьёзный руководитель, рассказал А. Лукашенко на знаменитой пресс-конференции для российских журналистов. Я присутствовал на той встрече, но, к сожалению, не записал его слова, так что передаю суть. Президент Беларуси удивился обострению межнациональных отношений в России и напомнил, что, когда в Беларуси начались жалобы на поведение чеченцев, он пригласил к себе лидера диаспоры и сказал: живите, но без эксцессов! С тех пор эксцессов не было.

Такой реакции ждали фанаты и от первых лиц России: “. . .Надо бы вызвать глав всех национальных диаспор на ковер и сказать, чтобы донесли до своих соплеменников, что надо остановиться и не надо будить лиха, пока оно тихо. По национальному вопросу должно выступить руководство страны” (“Коммерсантъ”, 21.12.2010).

Однако наше руководство от прямого разговора с диаспорами и собственным народом уклонилось. Это вам не “прямая линия”, где любой вопрос согласуется десять раз. Правда, 21 декабря, спустя почти две недели после выступления на Манежной, с футбольными фанатами встретился Путин. Но к тому времени столько всего успело произойти!

По уму, либо он, либо президент должен был сразу же публично выразить соболезнование семье Егора Свиридова – человека убили! Затем пообещать наказать виновных, в том числе и сотрудников прокуратуры. И лишь потом призвать молодёжь к порядку и пригрозить наказанием в случае повторения “погрома”.

Кстати, о “погроме”. И сами участники митинга, и сторонние наблюдатели утверждали, что в толпе, поначалу настроенной мирно, присутствовали провокаторы. Одного удалось выявить пользователям интернета. 11 декабря этот человек “стоит рядом с зачинщиками беспорядков и помогает нести плакат с изображением убитого болельщика” (“Независимая газета”, 20.12.2010). 15 декабря у Киевского вокзала он уже в противоположном стане – “словно раненый, опирается на кавказца” (“Комсомольская правда”, 18.12.2010).

Кто же это? Левон Арзуманян. По утверждению блогеров, “активист сочинского отделения “Наших”, участник форума “Селигер”, организуемого прокремлёвской молодёжью (newsru.com/russia/.../kinders.print.html). Выяснилось также, что до начала митинга 15 декабря Арзуманян прогуливался вместе с официальным представителем ГУВД Москвы В. Бирюковым (там же)...

Скорее всего, Арзуманян действовал не один. На фотографиях в репортаже о событиях на Манежной, выложенных в интернете (<http://zvalt.livejournal.com/330396.html>), в толпе “русских погромщиков” заметны отнюдь не славянские лица.

Как минимум, во всём этом следовало тщательно разобраться. А что мы услышали? Президент целую неделю повторял на разные лады – “преступление”, “преступники”, “пресекать”, и услужливые СМИ умножали его слова тысячекратным эхом. “Их надо сажать, а не воспитывать”, – так верховный правовед наставлял милицейских генералов (“Время новостей”, 17.12.2010). Кого сажать? 14–17-летних паренёв, тонкошеих московских школьников.

Генералы вняли. “Руки за голову! Стоять, суки!” – корреспондент “Коммерсанта” описывает задержание участников митинга 17 декабря у Останкина. Неужели это всё, что “родная власть” может сказать русским детям?!

Ребята скандировали: “Мы не фашисты, мы патриоты”. Они требовали одного – объективного расследования убийства Егора и схожих преступлений. ОМОН валил их лицом в снег, и подростки, “не двигаясь, оставались на нём лежать” (“Коммерсантъ”, 20.12.2010). Только в Москве и Подмосковье было

“задержано 2000 человек, большинство из которых – школьники старших классов” (там же).

Здесь мы подходим к самому главному – важному политическому уроку “декабрьского восстания”. Либералы – в интернете и в СМИ – убеждали страну, что действующий президент – альтернатива “авторитарному” Путину. Что он – гарант от произвола чиновников, борец с коррупцией и вообще “самый человечный человек”, как говаривали во время оно. Ergo: на следующих выборах – “только за Медведева!”.

И Медведев старался соответствовать. Улыбался куда чаще, чем Путин, твиттерил, шутил – в отличие от премьера, у которого любая шутка превращается в сарказм и улыбка кривит тонкие губы.

Однако при первом же серьёзном испытании, вместо доверительного разговора с народом, “либерал” потребовал “паковать по полной”.

Для сравнения: когда на исходе декабря милиция в Минске пресекла протест Домашевского правительства и задержала 600 активистов оппозиции, наша либеральная печать надрылась от негодования – “репрессии последнего диктатора Европы”. А что же сказать о задержании 2000 школьников в Москве за один только день 18 декабря? О задержании 1700 человек тремя днями ранее? И о сотнях других “упакованных” в другие дни и в других городах?

И какая разница между “либералом” и “автократом”? Разве что в лексике? Один требует “паковать” протестующих, другой – “отоваривать” дубинками (“Коммерсантъ”, 30.08.2010).

Последствия произошедшего ещё предстоит проанализировать. Насколько и каким образом изменилась общественная атмосфера; сохраняет ли – и в какой степени – власть способность контролировать ситуацию (совсем недавно она решала, кому, где и в каком количестве дозволить собираться, а тут без всяких разрешений и согласований тысячи людей пришли митинговать под стенами Кремля); как сказались выступления на Манежной на соотношении сил внутри тандема; снизился ли политический вес диаспор, произошла ли их радикализация, изменится ли в перспективе статус республик Кавказа; какие силы стоят за движением фанатов и какова социальная принадлежность его участников, имеет ли оно политические амбиции и перспективы; как скажется его вхождение в политику на раскладе сил и соотношении националистов и либералов? И самый главный вопрос: не наступил ли тот момент – не политический, скорее “экзистенциальный”, когда – “достали”, “накипело” и терпеть уже нет мочи, чем бы ни грозил выход на площадь?

Надеюсь ответить хотя бы на часть из них в очередной главе моей работы “Поезд убирается в тупик”, которая публикуется в нашем журнале. Но на один вопрос я уже нашёл ответ. За кого голосовать на грядущих выборах – парламентских и президентских.

Прямо скажу: за нынешних фаворитов голосовать не стану. И не только по моральным соображениям. Хотя “война” с детьми никого не красит. Не менее существенны и соображения практические. После недельных поисков “смутьянов” власти отрапортовали: “Арестован организатор беспорядков на Манежной: это 14-летний школьник” (news.com/russia/.../kinders_print.html). Не думаю, что арестовали нужного человека. Но если власть права, то что же она за власть?! 14-летний пацан заставил трепетать генералов и министров...

Свой голос я отдаю за того кандидата, который не побоится повторить лозунги московских митингов: “Патриотизм – не фашизм”, “России – русская власть”.